

УДК 32.019.5

DOI: 10.31660/1993-1824-2022-1-41-56

Неолиберализм как фактор роста неравенства и развития спекулятивно финансового сектора

Алексей Николаевич Ильин

Кафедра практической психологии, Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

Кафедра философии и социально-гуманитарных наук, Омский государственный медицинский университет, Омск, Россия

Аннотация. В статье рост неравенства в мире связывается с политикой неолиберальных реформ. Неолиберализм как идеология и практика подразумевает приватизацию государственной собственности, отход государства от социальной сферы, масштабную коммерциализацию. Автор развенчивает рыночный миф, согласно которому личная ответственность каждого гражданина сопряжена с общим социальным благом. Также подвергаются критике некоторые неолиберальные идеологемы, оправдывающие неравенство. Отмечается, что ряд развитых стран, принуждая правительства менее развитых стран осуществлять неолиберальные реформы, сами воздерживаются от глубокого рыночного реформирования; именно это воздержание послужило их развитию. Соответственно, неолиберализм для них — это прежде всего идеология и практика, ориентированная на экспорт и служащая торможению развития геополитических конкурентов. Современная «экономика постмодерна» характеризуется виртуализацией, симулякризацией, финансовой спекулятивностью. В статье наибольшее внимание уделяется развитию спекулятивно-финансового сектора, получившее распространение благодаря осуществлению неолиберальной политики. Финансовые спекуляции рассматриваются как социально вредное явление, несущее свою долю ответственности за рост неравенства.

Ключевые слова: неолиберализм, неравенство, финансовые спекуляции, спекулятивный сектор

Для цитирования: Ильин, А. Н. Неолиберализм как фактор роста неравенства и развития спекулятивно финансового сектора / А. Н. Ильин. – DOI 10.31660/1993-1824-2022-1-41-56 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 1. – С. 41–56.

Neoliberalism as a factor in the growth of inequality and the development of the speculative and financial sector

Alexey N. Il'in

Department of Practical Psychology, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia

Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences, Omsk State Medical University, Omsk, Russia

Abstract. In the article, the growth of inequality in the world is associated with the policy of neoliberal reforms. Neoliberalism as an ideology and practice implies the privatization of state property, the state's withdrawal from the social sphere, and large-scale commercialization. The author debunks the market myth, according to which the personal responsibility of each citizen is associated with the common social good. Some neoliberal ideologems that justify inequality are also criticized. It is noted that a number of developed countries, forcing the

governments of less developed countries to implement neoliberal reforms, themselves refrain from deep market reform; it is this abstinence that has served their development. Accordingly, for them neoliberalism is primarily an export-oriented ideology and practice that serves to slow down the development of geopolitical competitors. The modern "postmodern economy" is characterized by virtualization, simulacrization, and financial speculation. The article pays the greatest attention to the development of the speculative and financial sector, which has become widespread due to the implementation of neoliberal policies. Financial speculation is seen as a socially harmful phenomenon, bearing its share of responsibility for the growth of inequality.

Keywords: neoliberalism, inequality, financial speculation, speculative sector

For citation: П'ин, А. Н. (2022). Neoliberalism as a factor in the growth of inequality and the development of the speculative and financial sector. *Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (1), pp. 41-56. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-1-41-56

Введение

Неолиберальный культ личной ответственности и личной вины за свои неудачи противоречит идеям общего блага, общего интереса, поскольку каждый занят только собственными проблемами. Ответственность, как бы представляясь константой, переходя из одной сферы, оставляет дефицит самой себя в другой сфере; чем больше ее здесь, тем меньше там.

Противоречие личной ответственности идеям общего блага, как отмечает Д. А. Силичев, «ведет к оправданию общей безответственности по отношению к окружающей среде, общественному здоровью, условиям жизни и судьбе будущих поколений» [1]. Д. А. Силичев отлично описал последствия неолиберализации, подорвавшей европейские социумы всеобщего благосостояния: рост безработицы, падение социально-экономической защищенности, снижение доходов рабочих на фоне роста прибыли корпораций (и повышение имущественного расслоения), нейтрализация даваемых высшим образованием гарантий на высококвалифицированный труд, сворачивание социальных пособий, повышение пенсионного возраста, уменьшение пенсий, ограничение доступности медицинского обслуживания и т. д. Все это — не побочные продукты, а неотъемлемые результаты либерализации, которая, кстати, в европейских странах типа Великобритании и Франции произошла не в полной мере, а лишь частично. Полная либерализация привела бы к намного большему усилению перечисленных проблем. Хотя, с точки зрения неолибералов-фундаменталистов, это вовсе не проблемы, а достижения.

Следует особо подчеркнуть, что развитые страны Запада, элиты которых призывают правительства других стран переходить на неолиберальный путь, сами не имеют опыта мощной либерализации. Столь глубокой перестройки не было даже во времена известных рыночников — Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер. Конечно, рынок там силен, но не настолько, чтобы говорить о его полном господстве. В том числе по этой причине данные страны остаются развитыми. Помимо прочего, по сделанному в разных работах замечанию М. Г. Делягина, до достижения своего высокого развития они оказывали давление на спекулятивный сектор и не позволяли финансам, необходимым для реального сектора, уходить на спекулятивные рынки; в том числе поэтому они и стали

развитыми [2; 3]. Иными словами, они противодействовали либерализации собственной экономики. Напротив, российская экономическая политика, сконцентрированная в руках неолибералов, остается лояльной к спекулятивно-ростовщическому, социально вредному и непроизводительному сектору и, соответственно, недостаточно лояльной к реальному, производительному.

Для развитых западных стран неолиберализм — идеология, предназначенная в первую очередь не для личного потребления, а для экспорта в идеологическое поле геополитических конкурентов, чтобы тормозить их развитие. Истеблишмент центров мир-системы заинтересован в том, чтобы в других странах происходило «перенасыщение неолиберализмом». Ноам Хомский так формулирует неолиберальный подход к экономике: «Правила свободного рынка хороши для других, но не для меня, за исключением того случая, когда я нахожусь в благоприятном положении по отношению к конкурентам» [4]. Ряд западных стран стали и остаются богатыми по разным причинам. Одна из них — ограбление колоний ранее и неокolonий в наше время. Другая причина — нереализация в полной мере у себя либерального режима и, соответственно, функционирование государства в ряде областей экономики, хотя бы частичное ограничение финансовых спекуляций, сохранение протекционизма, госпомощь «своим» корпорациям и т. д.

Стоит привести слова философа Дж. Грея: «Значение американского примера для обществ, имеющих более глубокие исторические и культурные корни, фактически сводится к предупреждению о том, чего им следует опасаться; это не идеал, к которому они должны стремиться. Ибо принятие американской модели экономической политики непременно повлечет для них куда более тяжелые культурные потери при весьма небольших, чисто теоретических или абсолютно иллюзорных экономических достижениях...

Ожидать от России, что она гладко и мирно примет одну из западных моделей, означает продемонстрировать вопиющее незнание ее истории, однако подобного рода ожидания, подкрепляемые подслеповатым историческим видением неолиберальных теоретиков, в настоящее время лежат в основе всей политической линии Запада...

Будет жаль, если посткоммунистические страны, где политические ставки и цена политических ошибок для населения несравнимо выше, чем в любом западном государстве, станут испытательным полем для идеологий, чья стержневая идея на практике уже обернулась разрушениями для западных обществ, где условия их применения были куда более благоприятными» [5]. Самое главное в контексте нашего изучения в приведенных словах — отсылка к Западу, имеющему разрушительный опыт реализации соответствующих идеологий. Когда же говорят о том, что кто-то пытается подражать Штатам, эти фразы носят условный характер. Ведь чтобы подражать Штатам, нужно обладать таким же, как США, военным, информационным, экономическим и геополитическим влиянием в мире. Для полного подражания следует с аналогичным успехом вмешиваться в дела суверенных стран ради личной выгоды. Но столь мощных и вероломных акторов, как США, не существует. Следовательно, принятие американской модели экономической политики в условиях отсутствия такого глобалитета не приведет к его появлению и к обязательному экономическому развитию страны. К сожалению, посткоммунистические страны стали полем — но не

столько для идеологии, решительно воплощаемой на практике в США, сколько для идеологии, которую Вашингтон планомерно насаждает внешнему миру.

Материалы и методы

Материалами данного исследования являются работы отечественных и зарубежных авторов, раскрывающие главные особенности реализации неолиберальных проектов в контексте проблематики неравенства. База источников является междисциплинарной и включает в себя работы философов, экономистов, социологов и политологов.

Для осмысления неолиберализма как фактора роста неравенства применялись следующие методы и подходы:

- неомарксистский подход позволил критически оценить социально-экономические тенденции, проявляющиеся в условиях неолиберального общества;
- метод теоретической реконструкции был применен для выделения основного содержания неолиберального проекта и последствий его реализации;
- системный подход позволил интегрировать различные исследовательские идеи для создания критической концепции неолиберализма.

Результаты и обсуждение

Весьма парадоксально выглядят жалобы либеральных авторов на рост имущественной поляризации; ведь он — закономерное явление в условиях свободного рынка. Многие российские либералы (А. Кудрин, Д. Медведев, Г. Греф — вполне подходящие примеры) утверждают о необходимости поднимать пенсионный возраст и отказываются от повышения зарплат бюджетникам, объясняя это тем, что экономика развита слабо и не вынесет большого числа пенсионеров и высоких зарплат. Только они забывают добавить, что экономика недостаточно развита именно *благодаря* либеральному экономическому курсу. Они умышленно умалчивают, что им нужны деньги, полученные с помощью повышения пенсионного возраста, не для развития экономики России, а для развития экономики наших геополитических конкурентов за счет России и ее народа. У них почему-то нет денег на социальные проекты, но для обогащения олигархата и для покупки американских облигаций деньги находятся всегда. Видимо, в эти «стратегически важные» сферы они и планируют направить средства, отобранные у людей, которые достигли пенсионного возраста.

Утверждая необходимость повышения пенсионного возраста и вообще ухода государства из социальной сферы, монетаристы признают, что эти меры непопулярны. Данное наименование — эмоционально смягченная форма такого, более подходящего прилагательного, как «антинародные». Впрочем, как показала история либеральных реформ в России (и в ряде других стран), их авторам свойственно выступать от имени демократии и вершить совершенно антинародно-недемократическую политику, не считаясь с мнением широких социальных слоев.

Либералы часто высказывают недовольство реальными проблемами общества и экономики — на этом и строится их политическая риторика. Но эти проблемы актуализировались политикой, которая соответствует их идеологии. И после высказанного

негодования либералы предлагают решать данные проблемы углублением рыночных реформ, что вызовет еще большее усиление проблем. Невозможно бороться с бедностью и имущественным расслоением типичным монетаристским рецептом — сокращением финансирования социальных программ. Вовсе не ослабление государства, а госрегулирование способно обеспечить людей такими правами и свободами, как право на жизнь, на достойную работу, на качественное и эффективное здравоохранение и образование, на доступ к культуре, свобода от лишений, от страха перед завтрашним днем. Неолиберализм же, на словах абсолютизируя права человека и провозглашая равенство всех перед законом, дисфункционализирует перечисленные права, бросая общество в ситуацию, когда лишь деньги обеспечивают доступ к жизненно важным ресурсам (и, соответственно, право на них), а также наделяя бизнес возможностью эксплуатировать трудящихся и осуществлять манипулятивные рекламные кампании.

Рост неравенства — закономерное следствие функционирования на практике идеологии рыночного фундаментализма и, в частности, приватизации. Именно система экономического дерегулирования способствует тому, чтобы наиболее влиятельные максимизировали свое могущество (за счет остальных), не сталкиваясь с ограничениями, которые опираются на идеи социальной справедливости, необходимости более или менее уравнивать доходы. Вместе с ростом неравенства происходит перераспределение рисков; если блага концентрируются на социальном вершине, большинство рисков — внизу. Создатели концепции «общества риска» утверждают, что в наше время риски переходят границы государств и межклассовые барьеры, следовательно, риски входят в жизнь каждого независимо от статуса и уровня благосостояния (см. работу [6]). Действительно, никто полностью не защищен от экологических, техногенных и многих других рисков. Однако социально-экономическое положение все-таки коррелирует со степенью безопасности, и нельзя сказать, что абсолютно все независимо от их положения одинаково незащищены и равны перед рисками. Есть специфические риски, характерные именно для социальных низов, да и в целом все-таки низы наименее защищены от рисков. Очевидно, малообеспеченные слои населения подвержены более значительным рискам, которые связаны с недостаточным доступом к образованию, здравоохранению, экологически чистым продуктам питания, способствующим мобильности, социальным связям и т. д. Неолиберализация множит количество этих низов и, соответственно, рисковость их положения. Статус, власть и богатство, сконцентрированные на социальной вершине, все более способствуют максимизации этих благ и усилению защиты от рисков. Социальные низы подобно магниту притягивают к себе риски, связанные с проблемами прокормить семью, дать детям образование, сохранить работу и т. д.

По заявлению Дж. Бхагвати, серьезное богатство должно подталкивать его обладателей к растрачиванию значительных сумм на общественное благо; здесь автор делает лицемерный вывод, что крайняя степень неравенства оборачивается лучшими последствиями, чем меньшая степень неравенства (по сути неравенство оправдывается) [7]. Читая такое интеллектуальное завихрение, сразу вспоминаешь психологически значимую мудрость, призывающую во всем плохом искать что-то хорошее. Только автор забыл важный нюанс человеческой психологии: параллельно росту благосостояния растут потребности, и человеку хочется все большего. И весьма глупо

на этом основании расхваливать неравенство (да еще и крайнюю его степень), так как, даже если сверхбогатые тратят деньги на общественные нужды, то лишь незначительную часть по сравнению с тем, что своим «трудом» у общества отняли — особенно это касается финансовых спекулянтов, деятельность которых изначально вредна с точки зрения экономики и интересов общества. Их благотворительность — это зачастую «великодушное» предоставление одной рукой небольшой части того, что было награблено (обычно законным образом — в капиталистическом мире законы выражают интересы буржуазии) другой рукой. Можно ведь (насильственно) присвоить/украсть миллиарды долларов и пожертвовать миллионы рублей. И выходит, рука отобрала очень много, а потом чуть-чуть отдала; при таком раскладе вовсе не стоит эту руку боготворить. Особенно термин «грабительство» здесь уместен, если вспомнить марксистскую концепцию отъема прибавочной стоимости, хотя ограбление может выглядеть и по-другому, то есть представляться в более явной форме. К тому же, как отмечает М. Г. Делягин, в наше время благотворительность является для коммерческих компаний убежищем типа офшоров и обеспечивает им неприкосновенность. Прозрачность некоммерческих неправительственных организаций минимальна, чем пользуется крупный капитал, выделяя им средства. Низкая подотчетность НКО объясняется среди прочего их использованием в качестве инструмента США и их сателлитов для деликатных операций, в числе которых — организации государственных переворотов [8].

Ничто не говорит о возникновении у сверхбогатых потребности тратить деньги на общественные нужды, кроме оторванного от реальности нелепого психологизма и морализма. Факты как раз указывают на возникновение потребности использовать капиталы для еще большего упрочения власти и еще большего наступления как на права трудящихся, так на суверенитет национальных государств. Конечно, сверхбогатые занимаются общественной деятельностью, но и про усиление собственного влияния не забывают. В ряде случаев помощь определенным социальным группам только усиливает это влияние, поднимая престиж благотворителя в глазах общества.

В других случаях то, что называется общественной помощью, является ее полной противоположностью. Известно, как влекомые стремлением к глобальной власти сверхбогатые занимаются инвестированием денег под видом общественного блага в общественное зло: на устройство государственных переворотов в разных странах мира с негодным правительством (после чего общество этих стран обращается в нищету), на всяческие программы снижения рождаемости в мире и т. д. Так, вряд ли стоит называть социально полезной деятельность фонда Сороса, которая заключалась в спонсировании ряда российских научных и образовательных учреждений и конкретных ученых, но также в переписывании учебников истории на русофобский лад. Едва ли полезна деятельность по созданию и распространению медицинских препаратов и генномодифицированных продуктов, использование которых приводит к бесплодию. Вряд ли полезна поддержка ювенальной юстиции, скрывающаяся за благозвучным лозунгом защиты семьи и детства. Нередко богачи просто выводят капитал из своей страны. В общем, слова о том, что большое богатство должно стимулировать его обладателей к тратам на общественное благо, является всего лишь пожеланием, а не констатацией факта. «Должно» и «делает» — совершенно разные термины.

Идеологи говорят, что сверхбогатые меценаты и филантропы помогают бедным. Эти воззрения неизбежно наталкиваются на следующий факт: в том числе вследствие жадности «благотворителей» наступил финансово-экономический кризис, борьбу с которым вместо «благодетелей» оплачивал обычный народ, который профинансировал этих «благодетелей». Идеологами также постулируется необходимость уважительно относиться к богачам и не требовать от них ничего, ибо «широкая душа» самостоятельно поможет. Специально скрывается тот факт, что именно сконцентрированное в руках небольшой кучки людей огромное богатство является одним из условий распространения бедности и нищеты. И если программы благотворительности начинают заменять собой масштабную социальную поддержку со стороны государства, наступает ситуация «тушите свет».

Согласно одной из теорий, которые защищают неолиберальный порядок и формируемое им неравенство, налогообложение сверхбогатых по более высоким ставкам уменьшит их мотивацию к труду и накоплению, причем настолько, что налоговые сборы могут даже упасть. Мол, налоги для богатых должны быть минимальны, и тогда, получая еще большие доходы, богатые будут лучше работать и содействовать «просачиванию» благ сверху вниз, от верхов к низам. Хочется спросить: а где критерий, который указывает на «нормальный» доход экономического истеблишмента? С таким же успехом можно повышать их доходы до бесконечности, используя аргумент типа «чем они богаче, тем это лучше для всего общества и экономики». Если топ-менеджер вместо 500 тысяч получает 400, он перестает эффективно работать? Не лучше ли в таком случае найти менеджера, который будет хорошо трудиться за меньшие деньги? Остается только пожалеть богачей, ведь они понесут серьезные, буквально несовместимые с жизнью потери. А вот бедных неолиберальному проекту не жалко; про них не говорится в аналогичном ключе, что они, получая минимальные зарплаты, вследствие этого недостаточно хорошо работают. Наоборот, либералы из российского правительства в абсолютно хамской манере заявляют, что те из учителей, врачей и т. д., кто не доволен своими доходами, должны работать на две ставки, и вообще все, кто жалуется и не хочет увеличивать трудовую нагрузку, являются лентяями.

Видимо, бедные и богатые — два различных народа с принципиально разными психологическими механизмами, а теория неолиберализма носит расистский оттенок. Если доходы вторых нельзя трогать, поскольку упадет их мотивация к труду, первые изначально и априори работают малоэффективно, поэтому их доходы повышать необязательно. Конечно, напрямую это говорится в исключительных случаях, но не похожий ли вывод следует сделать из либерального аргумента о трудовой мотивации богатых, строящейся на сохранности их доходов?

Общественно нецелесообразно, если бы промышленники, создавшие важные для экономики страны и для обороны государства предприятия, внезапно закрыли их из-за высоких налогов. Однако высокие налоги позволят им получать несколько меньшую прибыль, а народу дадут хотя бы минимально справедливую форму распределения.

Напомним, что при неолиберальной заботе о сверхдоходах элит ускользает от внимания факт, что многие из них не занимаются социально полезной деятельностью. Некритично для экономики, если вдруг потеряет в доходах тот, кто создает совсем не

обладающий необходимостью для широких масс товар и кто в рекламе этого товара говорит о его необходимости. Поскольку некоторые представители экономических элит «сделали себя» финансовыми спекуляциями, а игра на бирже, ростовщичество и т. д. оказывают глубокий вред экономике, объяснение в духе «будет плохо всем, если эти люди прогорят» являются прямой ложью. В общем, абсурдным выступает оправдание неравенства и неолиберализма посредством апелляции к тому, что богатые должны богатеть, и это в интересах всех остальных, так как якобы богатые создают рабочие места и вносят максимальный вклад в экономику. Спекулянты важный вклад не вносят, рабочих мест не создают, и их богатство не идет на пользу обществу. Благодаря их деятельности не просто социальное богатство отказывается увеличиваться, а производительность — расти. Спекулятивный сектор в бешеной гонке за краткосрочной прибылью разрушает, все, что только можно разрушить, и приводит к наступлению кризиса. «Абсурдная диктатура биржевой игры учредила господство меркантилизма “последних дней”, апокалиптического меркантилизма, который, затеяв гонку в никуда, будоражит тело и туманит рассудок <...> Увлечшийся биржевыми играми капитализм рассчитывается за разрушенное прошлое, истребляя настоящее; он занимается выгодной распродажей мусора и скидывает на рынок мертвые идеи, которые — какими бы испорченными они ни были — поспешно восстанавливаются и подстраиваются под современные пристрастия» [9].

Даже если мы говорим о производительном секторе, теория «просачивания» просто не работает. Не слишком много просачивается от доходов и тем более сверхдоходов фирм и предприятий в карман простых рабочих. Наоборот, наблюдается гиперконцентрация богатств. Этому способствуют многие факторы, в том числе плоская (и тем более регрессивная) шкала налогообложения. И даже если осуществляются социальные программы, все равно переходящие вследствие их функционирования блага в руки «низам» в ходе их покупательской активности переходят к «верхам». Непонятно, зачем уповать на это мифическое просачивание благ сверху вниз, если более целесообразно было бы распределять блага в соответствии с принципом социальной справедливости. Тем более представители низших классов, в отличие от своих классовых оппонентов, не выведут свои деньги в офшоры. И они имеют намного меньше возможностей скрывать собственные доходы от налогообложения. Помимо прочего, одна и та же денежная единица с разных позиций имеет различную ценность. Малая сумма, полученная нищим, может спасти его от голодной смерти. Эта же сумма, полученная богачом, ничего столь кардинального в его жизнь не внесет. Данный факт с моральной стороны подкашивает любые оправдания неравенства.

Спекулятивная финансиализация — в некотором роде лицо глобального неолиберализма. Спекуляции стали максимально прибыльным бизнесом в условиях глобального капитализма, что является необходимым следствием такого типа экономической системы, где капитал беспрепятственно ищет себе наиболее прибыльные сферы, которыми являются в том числе чисто паразитические. Если нет законов, ограничивающих спекулятивные сделки, последние будут только поддерживаться самими экономико-политическими условиями. Если госсuverенитет размывается, капитал будет свободно перемещаться из страны в страну, представляя собой крайне мобильную номадическую

единицу. Развившийся благодаря типично неолиберальному дерегулированию финансовый капитал, как известно, вступает в противостояние с промышленным — не только в России, а в любых странах. Удушая промышленность, финансисты только способствуют деиндустриализации и наступлению кризисов со всем спектром характерных для них негативных явлений. Глобальный финансовый капитал с его спекуляциями ответственен за многочисленные кризисы, за уязвимость национальных экономик перед финансовыми рынками и набегами спекулянтов, за различные аферы с надуванием финансовых пузырей.

Как отмечает Г. Дерлугьян, политические меры монетаристов М. Тэтчер и Р. Рейгана вызвали раскрутку финансового маховика, что привело к перемещению капиталов из материального сектора в область финансовых спекуляций [10]. Позже ситуация только усугублялась на мировом уровне. Недаром были созданы сложные финансовые связи на международном уровне и новые финансовые операции типа тех, которые используют производные ценные бумаги, фьючерсы и т. д. Появился широчайший рынок необеспеченных облигаций, хеджевых фондов, низкокачественных кредитов. Даже частичный уход правительств из экономики в целом и от контроля над финансовым сектором в частности закономерно вызывает отток денег из реального сектора в спекулятивный, где результат краткосрочен, а прибыли обычно выше. В наше время не просто капитал, то есть промышленный капитал, торжествует свой триумф над трудом и над социальными завоеваниями трудящихся. Скорее, социально безответственный финансовый капитал одержал победу как над трудом, так над промышленным капиталом. Современную мировую экономику можно называть в первую очередь финансовой, нежели производственной. Имеет смысл говорить о финансиализации экономики, происходящей не параллельно расцвету неолиберализма и расширению его влияния, а благодаря этому. Финансовый сектор стал контролировать самые разные сферы экономики.

Быстрая отдача, доходность от вложений в спекуляции отвращает от инвестиций в производственный сектор. Выросшая финансовая раковая опухоль в условиях рынка тормозит инновационные процессы и научно-технический прогресс. Отметим один парадоксальный момент: неолибералы постоянно говорят о необходимости останавливать инфляцию и ради этого призывают реализовывать такие антиэкономические и антинародные меры, как сжатие денежной эмиссии и снижение государственных расходов на социальные проекты. При этом именно характерный для неолиберальных режимов рост спекулятивного сектора раскручивает инфляционную спираль. Да и для решительного перехода на ресурсосберегающие технологии требуется не разрозненный рынок, где каждый актер действует в соответствии со своей выгодой, а совершенно антирыночная политика властей, принуждающая к прогрессу.

В целом рынок, еще крайне финансиализуемый, не способен в достаточной мере поддерживать и фундаментальную науку, которая нередко выступает основой для развития прикладной науки и для практических разработок, несущих выгоду. Фундаментальная наука требует значительной государственной поддержки, поскольку не дает однозначных рыночно выгодных результатов. Вообще роль фундаментальной науки в различных областях функционирования общества крайне высока. В условиях существования рыночной стихии этот крайне ценный ресурс способен только деградировать

и разрушаться, поскольку воспринимается как нечто, требующее постоянного финансирования, но не дающее и не гарантирующее никакого точного результата (более подробно см. [11–13], см. также другие статьи автора, собранные в разделе «Образование» на его сайте <http://ilinalexeu.ru/category/obrazovanie/>).

Хотя, конечно, центры мир-системы оставляют за государством роль регулятора за разными сферами деятельности, и далеко не все отдается на откуп рынка, в том числе и наука. Зато осуществляется массивная идеологизация, согласно которой другие государства должны покинуть экономику и общественную жизнь в целом и отказаться от всяческого субсидирования фундаментальной науки в частности.

Финансиализация мира дестабилизирует глобальную экономику. Она способствует росту долгов и связанного с этим закабаления. Она множит различные риски, вымывает капитал из производственной сферы (превращает его из производственного в спекулятивный). Спекуляции стали способом перераспределения активов и возрастания неравенства. Эта система противоречит элементарному принципу социальной справедливости, согласно которой получать прибыль должен тот, кто отличается общественно полезной деятельностью. В результате развития финансово-спекулятивного сектора множатся риски наступления экономических кризисов, растет безработица, падает производство, тормозится НТП, обесцениваются сбережения, снижается заработная плата, повышается имущественное расслоение как между классами внутри страны, так и между странами. Мы перечислили только наиболее значимые негативные эффекты, возникающие при финансово-экономическом метастазировании мировой экономики.

Диспропорция между производственным и финансово-спекулятивным капиталом растет в пользу второго. Мы находим различные данные, касающиеся расширения паразитического спектра финансовых спекуляций. Согласно исследованию Б. Б. Рубцова, если в 1990 г. мировой рынок долговых инструментов составлял 79 % мирового ВВП, то в 2010 г. — 144 %. Причем США с заметным отрывом лидируют в сфере объема долговых бумаг. Опережающий рост финансовых активов в сравнении с ВВП — явление последних десятилетий [14]. Недаром именно в последнее время глобализация под флагом неолиберализма развернулась пышным цветом. Правда, В. В. Рубцов, подобно многим либералам, наивно верит в то, что МВФ помогает попавшим в кризисную ситуацию странам, и в то, что страны «двадцатки» и международные организации типа МВФ и ВБ эффективно борются с последствиями кризиса.

Финансовый сектор с характерными для него быстро растущими объемами транзакций и оттоком в данную сферу человеческих и иных ресурсов получил доминирующий статус, что вполне закономерно при господстве неолиберализма. В статье Л. Н. Красавиной, опубликованной в 2011 г., находим цифру объема производных финансовых инструментов в \$700 трлн, что является 12-кратным превышением мирового ВВП [15]. Имеется мнение, что к 2007 г. финансовые активы мира превышали мировой ВВП уже в десятки раз, а ВВП США в последние годы примерно равен \$20 трлн, в то время как финансовых деривативов — более \$200 трлн [16].

В другой работе содержатся данные более скромные: соотношение реальной и виртуальной экономики равняется 1:10, то есть в \$60 трлн оценивается объем реального сектора, а в \$600 трлн — виртуального со всеми его фьючерсами, деривати-

вами и т. д. [17]. Глобальная финансовая надстройка превысила в своих масштабах реальный сектор и превысила мировой ВВП. Т. В. Игнатова и Т. В. Подольская также пишут, что число финансовых инструментов превышает размер реальной мировой экономики более чем в 10 раз. В 1980 г. мировые финансовые активы примерно равнялись мировому ВВП (\$12 и \$10 трлн соответственно), в 2007 г. они составляли \$195 трлн, а с учетом вторичных деривативов объем финансовых активов превышал мировой ВВП в 12 раз. В 2008 г. объем мировых финансовых активов немного снизился под влиянием кризиса, составив \$178 трлн, однако финансовая глубина (отношение объема финансовых активов к мировому ВВП) сохранилась на высоком уровне. Доходность финансового рынка в докризисный период измерялась двузначными числами, хотя рост мировой экономики составлял всего несколько процентов. В пользу ничего не создающих спекулянтов происходит перераспределение важной части доходов, создаваемых в области производства. Сегодня глобальные финансовые рынки стали средствами перераспределения денег от менее богатых к более богатым структурам и странам [18].

В 1970 г. около 90 % международного капитала шло на торговлю и долгосрочные капиталовложения и 10 % — на спекуляции; в 1990 г., наоборот, 90 % являлись спекулятивными, а 10 % расходовались на торговлю и долгосрочные капиталовложения. К 1994 г. около 95 % от всего капитала было спекулятивным [19]. С той поры эти цифры только растут. Д. Котц приводит следующие данные. Доля прибыли финансовых корпораций в общей прибыли корпораций США в 1948 г. составляла почти 10 %, в 1992 г. — 30 %, в 2000 г. — 40 %, в 2008 г. (начало финансово-экономического кризиса) они упали до 10 %, после чего сразу же поднялись почти до 35 %. Аналогичная динамика видна по доле валовой добавленной стоимости финансовых корпораций в общей валовой добавленной стоимости корпораций США: от 4 % в 1948 г. до 14 % перед мировым финансово-экономическим кризисом [20]. Совокупный ежедневный объем финансовых операций на международных рынках в 1983 г. составлял \$2,3 млрд, к 2001 г. достиг \$130 млрд [21].

В статье А. В. Бузгалина показан планомерный рост объемов рынка деривативов с 1998 по 2007 гг., что указывает на темпы развития финансового капитала, существенно опережающего динамику капитала в сфере реального производства. Наблюдается особо значимое влияние финансового сектора «на все системы аллокации ресурсов и координации (направления потоков инвестиций, принятие решений, структура цен и т. п. во *всей* экономике определяется ныне во многом конъюнктурой финансового сектора...). Кроме того, приоритетное развитие финансового капитала вызвало волну дерегулирования; финансовые спекуляции стали «регулятором» — субститутотом государственного воздействия на экономику» [22].

Важный фактор доминирования финансового сектора над промышленным — промышленники для создания производств должны обеспечивать финансистов посредством взятия кредитов под высокую процентную ставку. На почве пропагандируемой экономической свободы возникает целая система финансового капитала, который, занимаясь социально вредными ростовщическими спекулятивными проектами, отрывается от реальной экономики. В конечном итоге безудержный рост влияния спекулятивного капитала становится благодатной основой для финансово-экономических кризисов.

Для нормальной экономики повышение могущества спекулятивного фиктивного и не отличающегося социально полезностью сектора следует квалифицировать как крайне серьезную дисфункцию.

Деньги не предназначены для того, чтобы стать товаром, но в разные эпохи они наделялись этой «функцией», которая справедливо порицалась. Еще Аристотель писал: «Так как хрематистика расположена рядом с экономикой, люди принимают ее за саму экономику; но она не экономика. Потому что хрематистика не следует природе, а направлена на эксплуатацию. На нее работает ростовщичество, которое по понятным причинам ненавидится, так как оно черпает свою прибыль из самих денег, а не из вещей, к распространению которых были введены деньги. Деньги должны были облегчить торговлю, но ростовщический процент увеличивает сами деньги. Поэтому этот вид обогащения самый извращенный». Также и Катон Старший утверждал: «А предками нашими так принято и так в законах уложено, чтобы вора присуждать ко взысканию вдвое, а ростовщика ко взысканию вчетверо» [23].

Выводы

В разных исследованиях данные о росте финансового сектора по сравнению с реальным сектором различаются. Для нас главное — вовсе не поиск окончательной истины относительно данного соотношения, а простой факт: финансовая сфера растет и увеличивает свое влияние, равно как спекулятивный сектор становится все более значимым в мировой экономике.

Огромные доходы спекулянты получают не как вознаграждение за создание и прирост общественного/национального богатства (сколько бы ни уверяли в этом защитники неолиберализма), а как прибыль, полученную посредством отбора у общества значительной части этого богатства, произведенного без помощи с их стороны «... богатство верхушки — и страдания внизу — проистекает из денежных трансферов, а вовсе не из производственных процессов» [24]. Личные доходы и общественная польза не всегда связаны между собой; вовсе необязательно те, кто получает огромную прибыль, имеют большие показатели социально необходимой продуктивности. На это указывает хотя бы следующий факт: ученые, которые разработали действительно полезные обществу технологические инновации, почти ничего на этом не зарабатывают, однако зарабатывают на их изобретениях те, кто внедрил их в производство. Можно сказать, что это полбеда, ведь богачи ничего не изобрели, но внедрили. Однако максимально зарабатывают даже не они, а те, кто своей спекулятивной деятельностью только подрывает основы экономики. В общем, тезис «больше получает прибыли тот, кто приносит максимальную помощь обществу» не соответствует эмпирической реальности. В этом заключается одна из фундаментальных несправедливостей, формируемых неолиберализмом и неспособных быть устранимыми рыночно-монетарными методами. Однако спекуляции — и неолиберализм в целом — опираются на спекулятивную философию, которая пытается обосновать и оправдать существующее положение вещей. Аспекты практики либерализма навязываются мировой общественности соответствующим философско-идеологическим производством.

Равенство и свобода противоречат друг другу намного меньше, чем свобода и неолиберализм. Мировая экономика перевернута с ног на голову. То, что должно находиться внизу, в подчиненном состоянии, стоит наверху. Денежная часть призвана обслуживать производственную. Однако все наоборот. Мало того, эта денежная область превратилась в чистый симулякр, в социально вредный и всеуправляющий организм с его печатанием денег из ничего, банковской системой, занимающейся ростовщичеством и надуванием финансовых пузырей. Б. Брехт использовал афоризм: что такое ограбление банка по сравнению с основанием банка? Иными словами, есть незаконное ограбление, а есть законное ограбление. И наверняка законная его форма (основание банка) несет значительно больше прибыли.

Список источников

- [1] Силичев, Д. А. Социальные последствия перехода от индустриализма и модерна к постиндустриализму и постмодерну / Д. А. Силичев. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 2005. – № 7. – С. 3–20.
- [2] Делягин, М. Г. Новая Россия. Какое будущее нам предстоит построить / М. Г. Делягин. – Санкт-Петербург : Питер, 2016. – 320 с. – Текст : непосредственный.
- [3] Делягин, М. Г. Россия в большой игре. На руинах потсдамского мира / М. Г. Делягин. – Москва : Книжный мир, 2016. – 352 с. – Текст : непосредственный.
- [4] Тарасов, А. «Хомскианская революция» в России / А. Тарасов. – Текст : электронный // Скепсис. – URL: http://scepsis.net/library/id_555.html.
- [5] Кара-Мурза, С. Г. «Перетекание рынка в общество» как политическая проблема / С. Г. Кара-Мурза, И. А. Тугаринов. – Текст : непосредственный // Контуры глобальных трансформаций : политика, экономика, право. – 2015. – Т. 8, № 5 (43). – С. 42–49.
- [6] Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек ; перевод с немецкого В. Седельника и Н. Федоровой. – Москва : Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с. – Перевод изд.: *Risikogesellschaft Auf Dem Weg in Eine Andere Moderne* / Virich Beck, 1986. – Текст : непосредственный.
- [7] Бхагвати, Дж. В защиту глобализации / Дж. Бхагвати ; перевод с английского ; под редакцией В. Л. Иноземцева ; Центр исслед. постиндустр. о-ва, Журн. «Свободная мысль-XXI». – Москва : Ладомир, 2005. – 406 с. – Перевод изд.: *In defense of globalization* / Jagdish Bhagwati. New York, 2004. – Текст : непосредственный.
- [8] Делягин, М. Г. Конец эпохи : осторожно, двери открываются! Том 1. Общая теория глобализации / М. Г. Делягин. – 12-е изд., перераб. и доп. – Москва : ИПРОГ, Книжный мир, 2019. – 832 с. – Текст : непосредственный.
- [9] Ванейгем, Р. Письмо моим детям и детям грядущего мира / Р. Ванейгейм ; перевод с французского М. Лепиловой. – Москва : Гилея, 2015. – 116 с. – (Планы на будущее). – Перевод изд.: *Lettre à mes enfants et aux enfants du monde à venir* / Raul Vaneigem. Paris, 2012. – Текст : непосредственный.

- [10] Дерлугьян, Г. Адепт Бурдье на Кавказе : эскизы к биографии в миросистемной перспективе / Г. Дерлугьян ; перевод с английского. – Москва : Территория будущего, 2010. – 560 с. – Перевод изд.: *Sketches for biography in a world-system perspective* / G. Derlugyan, 2010. – Текст : непосредственный.
- [11] Ильин, А. Н. Культура потребления и коммерциализация науки / А. Н. Ильин. – Текст : непосредственный // *Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре*. – 2017. – Т. 2, № 3 (31). – С. 51–60.
- [12] Ильин, А. Н. Утилитаризация науки в обществе потребления / А. Н. Ильин. – Текст : непосредственный // *Свободная мысль*. – 2019. – № 1. – С. 79–88.
- [13] Ильин, А. Н. Образование, поверженное реформами : монография / А. Н. Ильин. – Москва : Университетская книга, 2020. – 392 с. – Текст : непосредственный.
- [14] Рубцов, Б. Б. Глобальные финансовые рынки : масштабы, структура, регулирование / Б. Б. Рубцов. – Текст : непосредственный // *Век глобализации*. – 2011. – № 2 (8). – С. 73–98.
- [15] Красавина, Л. Н. Тенденции и перспективы реформы мировой валютной системы / Л. Н. Красавина. – Текст : непосредственный // *Век глобализации*. – 2011. – № 1 (7). – С. 29–43.
- [16] Егоров, Д. Г. Глобальное потепление и экономическая теория : преодоление кризиса мировой цивилизации / Д. Г. Егоров, А. В. Егорова. – DOI 10.30884/vglob/2020.02.04. – Текст : непосредственный // *Век глобализации*. – 2020. – № 2 (34). – С. 45–54.
- [17] Филюхина, С. В. Глобальные тенденции развития мира / С. В. Филюхина. – Текст : непосредственный // *Век глобализации*. – 2012. – № 2. – С. 179–188.
- [18] Игнатова, Т. В. Возможности глобального управления мировой финансовой системой : реалии и перспективы / Т. В. Игнатова, Т. В. Подольская. – Текст : непосредственный // *Век глобализации*. – 2014. – № 2 (14). – С. 119–128.
- [19] Хомский, Н. Классовая война : интервью с Дэвидом Барзамьяном / Н. Хомский ; перевод с английского С. А. Мельникова. – Москва : Праксис, 2003. – 326 с. – перевод изд.: *Interviews with David Barsamian* / Noam Chomsk, 1996. – Текст : непосредственный.
- [20] Бузгалин, А. В. [Рецензия] / А. В. Бузгалин. – Текст : непосредственный // *Вопросы политической экономии*. – 2015. – № 4. – С. 138–152. – Рец. на кн.: *Взлет и падение неолиберального капитализма* / Д. Котц. Кембридж, Гарвард, 2015. 257 с.
- [21] Харви, Д. Краткая история неолиберализма : актуальное прочтение / Д. Харви ; перевод с английского Н. С. Брагиной. – Москва : Поколение, 2007. – 288 с. – Перевод изд.: *A Brief History of Neoliberalism* / David Harvey. USA, 2007. – Текст : непосредственный.
- [22] Бузгалин, А. Мировой экономический кризис и сценарии посткризисного развития / А. Бузгалин. Текст : электронный // *ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия* : [сайт]. – URL: <http://www.intelros.ru/subject/figures/aleksandr-vladimirovich-buzgalin/7179-mirovoj-yekonomicheskij-krizis-i-scenarii-postkrizisnogo-razvitiya.html>.
- [23] Кара-Мурза, С. Г. Политэкономика индустриализма. Мифы и реальность / С. Г. Кара-Мурза. – Москва : Родина, 2018. – 272 с. – Текст : непосредственный.

- [24] Стиглиц, Дж. Ю. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему / Дж. Ю. Стиглиц ; перевод с английского Е. Рождественской. – Москва : Эксмо, 2015. – 255 с. – Перевод изд.: *The price of inequality : how today's divided society endangers our future* / Joseph E. Stiglitz. New York, 2012. – Текст : непосредственный.

References

- [1] Silichev, D. A. (2005). *Sotsial'nye posledstviya perekhoda ot industrializma i moderna k postindustrializmu i postmodernu. Voprosy filosofii*, (7), pp. 3-20. (In Russian).
- [2] Delyagin, M. G. (2016). *Novaya Rossiya. Kakoe budushchee nam predstoit postroit'*. St. Petersburg, Piter Publ., 320 p. (In Russian).
- [3] Delyagin, M. G. (2016). *Rossiya v bol'shoy igre. Na ruinaх potsdamского mira*. Moscow, Knizhnyy mir Publ., 352 p. (In Russian).
- [4] Tarasov, A. "Khomskianskaya revolyutsiya" v Rossii. Skepsis. Available at: http://scepsis.net/library/id_555.html (In Russian).
- [5] Kara-Murza, S. G., & Tugarinov, I. A. (2015). "The flow of the market in society" as a political issue. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 8(5(43)), pp. 42-49. (In Russian).
- [6] Beck, V. (1986). *Risikogesellschaft Auf Dem Weg in Eine Andere Moderne*. (In German).
- [7] Bhagwati, J. (2004). *In defense of globalization*. New York, Oxford University Press., 308 p. (In English).
- [8] Delyagin, M. G. (2019). *Konets epokhi: ostorozhno, dveri otkryvayutsya! Tom 1. Obshchaya teoriya globalizatsii*. 12th edition, revised and expanded. Moscow, IPROG, Knizhnyy mir Publ., 832 p. (In Russian).
- [9] Raoul Vaneigem. (2012). *Lettre à mes enfants et aux enfants du monde à venir*. Paris, Le Cherche Midi Publ., 112 p. (In French).
- [10] Derlugyan, G. (2010). *Adept Bourdieu in the Caucasus: Sketches for biography in a world-system perspective*. (In English).
- [11] Il'in, A. N. (2017). Consumer culture and the commercialization of science. *Scientific notes of Komsomolsk-on-Amour state technical university*, 2(3(31)), pp. 51-60. (In Russian).
- [12] Il'in, A. N. (2019). Utilitarization of science in the consumer society. *Svobodnaya mysl'*, (1), pp. 79-88. (In Russian).
- [13] Il'in, A. N. (2020). *Obrazovanie, poverzhennoe reformami*. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 392 p. (In Russian).
- [14] Rubtsov, B. B. (2011). *Global'nye finansovye rynki : masshtaby, struktura, regulirovanie. Vek globalizatsii*, (2(8)), pp. 73-98. (In Russian).
- [15] Krasavina, L. N. (2011). *Tendentsii i perspektivy reformy mirovoy valyutnoy sistemy. Vek globalizatsii*, (1(7)), pp. 29-43. (In Russian).
- [16] Egorov, D. G., & Egorova, A.V. (2020) *Global'noe poteplenie i ekonomicheskaya teoriya: preodolenie krizisa mirovoy tsivilizatsii. Vek globalizatsii*, (2(34)), pp. 45-54. (In Russian). DOI: 10.30884/vglob/2020.02.04
- [17] Filyukhina, S. V. (2012). *Global'nye tendentsii razvitiya mira. Vek globalizatsii*, (2), pp. 179-188. (In Russian).

- [18] Ignatova, T. V., & Podolskaya, T. V. (2014). Vozmozhnosti global'nogo upravleniya mirovoy finansovoy sistemoy: realii i perspektivy. *Vek globalizatsii*, (2(14)), pp. 119-128. (In Russian).
- [19] Chomsk, N. (1996). Interviews with David Barsamian. Monroe (ME), Common Courage Press., 319 p. (In English).
- [20] Buzgalin, A. V. (2015). Retseziya na knigu D. Kotts'a "Vzlet i padenie neoliberal'nogo kapitalizma" *Voprosy politicheskoy ekonomii*, (4), pp. 138-152. (In Russian).
- [21] Harvey, D. (2007). A Brief History of Neoliberalism. USA, Oxford University Press. (In English).
- [22] Buzgalin, A. Mirovoy ekonomicheskij krizis i stsennarii postkrizisnogo razvitiya. (In Russian). Available at: <http://www.intelros.ru/subject/figures/aleksandr-vladimirovich-buzgalin/7179-mirovoj-yekonomicheskij-krizis-i-scennarii-postkrizisnogo-razvitiya.html>
- [23] Kara-Murza, S. G. (2018). Politekonomiya industrializma. Mify i real'nost'. Moscow, Rodina Publ., 272 p. (In Russian).
- [24] Stiglitz, J. E. (2012). The price of inequality: how today's divided society endangers our future. New York, WW Norton & Company. (In English).

Статья поступила в редакцию 16.09.2021; одобрена после рецензирования 12.10.2021; принята к публикации 19.10.2021.

The article was submitted 16.09.2021; approved after reviewing 12.10.2021; accepted for publication 19.10.2021.